

слава 2-й степени, 1845 г. Юня 24.—Избранъ Членомъ Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ, 1845 г. Августа 27. — Отъ должности Инспектора Института Восточныхъ языковъ уволенъ, согласно его прошенію, 1848 г. Юня 1. — Опреѣленъ Главнымъ Смотрителемъ Московской Практической Коммерческой Академіи, 1848 г. Августа 24.—Пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны 2-й степени, 1848 г. Декабря 18. — Опреѣленъ Старшимъ Учителемъ Законовѣдѣнія при Институтѣ Восточныхъ языковъ Гг. Лазаревыхъ, 1849 г. Окт. 8. — Отъ Г. Министра Народнаго Просвѣщ. объявлена ему въ числѣ прочихъ благодарность Его Сіятельства за найденный въ Московскомъ Университетѣ по учебной части отличный порядокъ, 1850 г. Августа 20.—Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ, 1850 г. Августа 22.—Высочайшимъ Приказомъ по Гражданскому Вѣдомству назначенъ Инспекторомъ Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, 1852 г. Августа 2.—Сочиненія и переводы Профессора Морошкина слѣдующіе: 1) *О постепенномъ образованіи законодательства*. Разсужденіе для полученія степени Магистра Правъ, 1832. Москва. — 2) *Каволическій духъ Римскаго права*. Статья въ ученыхъ запискахъ И. М. Университета 1834 года.—3) *Исторія Россійскихъ Государственныхъ Гражданскихъ Законовъ, сочиненіе Профессора Александра Рейца*. Переводъ съ Нѣмецкаго, съ приложеніемъ литературы науки и примѣчаніями на различные предметы Исторіи Русскаго Законодательства, составленными издателемъ, 1836 г. М. — 4) *О владѣніи по началамъ Россійскаго Законодательства*. Юридическое разсужденіе, для полученія степени Доктора Правъ, 1837 г. Москва. — 5) *Речь объ уложеніи Царя Алексѣя Михайловича и о послѣдующемъ его развитіи, говоренная на публичномъ актѣ И. М. Университета 1839 года.* — 6) *Рецензія на книгу подъячаго Котошихина, «Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича,»* въ журналѣ «Москвитянинъ» 1841 года. — 7) *О значеніи имени Руславъ и Семьянъ, историко-критическая статья, въ журналѣ «Маякъ» 1841 года.*

МУДРОВЪ, Матвѣй Яковлевичъ, Докторъ Медицины, Ординарный Профессоръ Патологіи, Терапіи и Клиники, Дѣйствит.

Статскій Совѣтникъ и Орденовъ Св. Анны 2-й степ. съ алмазными украшеніями и Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 4-й степ. кавалеръ, происходилъ изъ духовнаго званія, отъ бѣдныхъ родителей, и собственными своими дарованіями, прилежаніемъ и усердіемъ къ службѣ Государямъ возвысился до той степени почестей и славы, на которой судьбамъ угодно было на вѣки остановить его;—своими же добродѣтелями, привѣтливостію и честностію привлекъ уваженіе и любовь, которыя даже и по смерти его, до сей поры, черезъ двадцать лѣтъ, нисколько не умалились въ памяти всѣхъ, много или мало знавшихъ его лично. Онъ родился въ Вологдѣ, 1772 года, *въ канунъ кануна Благовѣщенія*, или 23 числа Марта. Родитель его, священникъ Дѣвичьяго монастыря въ городѣ, Іаковъ Іоанновичъ Мудровъ, былъ, по тогдашнему времени, мужъ просвѣщенный, хорошо изучившій языки древніе—Латинскій, Греческій и Еврейскій; онъ очень уважалъ врачебную науку, любилъ читать творенія Гиппократа и Цельса; осмѣливался давать врачебные совѣты бѣднымъ людямъ, на исцѣленіе простыми средствами, и былъ въ тѣсной пріязни со всѣми тамошними врачами. Какъ добрый пастырь душъ и сердецъ, онъ былъ вовсе не любостыжателемъ, но весь преданъ дѣламъ милосердія, всегда готовъ отдать послѣднюю сорочку, послѣднюю корку хлѣба голодной, бѣдной нуждѣ. Бывало, возвращаясь отъ дѣлъ служенія домой, никакъ не умѣлъ онъ отказывать просящимъ милостыни, а такихъ на Вологдѣ всегда великое множество:—это прохожіе на поклоненіе къ Соловецкимъ Чудотворцамъ, бѣдные, педужные и увѣчные богомольцы, чающіе Божественной помощи въ ихъ страданіяхъ и бѣдствіяхъ. Раздавши все изъ своего кармана, онъ приводилъ къ себѣ домой тѣхъ, которымъ не могъ сдѣлать подаянія, и раздѣлялъ съ ними весьма неприхотливую трапезу свою. Съ такимъ добродѣтельнымъ образомъ жизни, онъ претерпѣвалъ крайніе недостатки, такъ что въ праздничные великіе дни сплосъ да рядомъ въ семействѣ его не находилось и одной горсти пшеничной муки на пирожокъ либо лепешку, а въ темное зимнее время почтеннѣйшая супруга его Надежда Ивановна должна была заниматься домашними дѣлами и рукодѣльями при свѣтѣ

лучины. Изъ четырехъ сыновей своихъ почтеннѣйшій отецъ оставилъ въ духовномъ званіи самаго старшаго Іоанна, тропхъ же Алексѣя, Кира и Матвѣя, послѣдняго въ дѣтяхъ, благословилъ въ мірское званіе на службу Царскую.

Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ свое первое образованіе началъ подъ руководствомъ родителя, продолжалъ въ Духовной Семинаріи и потомъ въ Народномъ Училищѣ, тогда лишь вновь открытомъ. При великихъ нуждахъ и бѣдности, безъ средствъ приобрѣтать учебныя книги, Семинарское ученіе для молодаго Мудрова было весьма трудно; ибо надобно было печатныя книги списывать на тетради, да и бумаги—то необходимой на то было нелегко промыслить. Вотъ какъ онъ воспоминалъ про свое дѣтство: «Когда я былъ еще мальчишкой,—почасту «на улицѣ игрывалъ съ дѣтьми городскаго переплетчика, сдружилъ съ ними, хаживалъ къ нимъ въ домъ и съ любопытствомъ, бывало, сматривалъ на переплетную работу, даже и «самъ нѣсколько перенялъ изъ этого мастерства. Поступивши «въ Семинарію, началъ я порядкомъ переплетать тетради, сперва «себѣ, послѣ и товарищамъ, и до того наторѣлъ въ этомъ дѣлѣ, «что иногда помогалъ самому переплетчику. За такія послуги «мнѣ плачивали товарищи, одни бумагою писчею, а другіе и «переплетчикъ давали мнѣ малую толику деньжонокъ, которыя «въ тѣ поры были мнѣ очень дороги; я прикапывалъ ихъ на «крайнія свои надобности, особливо же на сальныя свѣчи. Вотъ, «бывало, зажгу свѣчу, сяду писать вечеромъ, а матушка и «подсядетъ ко мнѣ съ работою; я—то, бывало, и скуплюся свѣтомъ и застѣняю ей, а она голубушка сперва покричитъ на «меня, потомъ примется упрашивать, и общаетъ мнѣ испечь «при хлѣбахъ ржаную лепешку съ толченымъ коноплянымъ «сѣменемъ, и вотъ у насъ и лады съ нею; сидимъ, бывало, «молча и дѣлаемъ каждый свое».—У тамошняго Штабъ-Лекаря Осина Ивановича Кирдана подростали два сына, Илья и Аполлонъ, и молодой Мудровъ былъ приглашенъ учить ихъ началамъ Русскаго и Латинскаго языковъ, за что, кромѣ весьма умѣренной платы, по рублю въ мѣсяць, онъ получалъ иногда и подарки, кой-какое поношенное платье съ плечей самаго Кирдана. Въ 1794 году, Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ собрался въ Московскій Университетъ.—«Будь прилеженъ къ

добрымъ дѣламъ, служи Государынѣ вѣрою и правдою, и Господь Богъ не оставитъ призрѣть на тебя многощедротнымъ окомъ, такъ и будешь человѣкъ»,—сказалъ такъ ему родитель, благословляя небольшимъ мѣднымъ крестомъ, каковымъ осѣняютъ при духовныхъ службахъ и который къ сему дѣйствию уже не былъ годенъ по ветхости и особенно потому, что рукоятка была отломлена и затеряна, да подарилъ еще старую чайную фаянсовую чашку и тоже съ отшибенною ручкою; это на случай испить воды изъ ручья дорогою; и наградивъ двадцатью пятью копѣйками мѣдныхъ денегъ, примолвилъ такъ: «Вотъ другъ мой, все, что могу тебѣ удѣлить. «Ступай, учись, служи, сохраняй во всемъ порядокъ, quoniam «ordo est cardo omnium regum; помни бѣдность и бѣдныхъ, такъ не позабудешь насъ, отца съ матерью, и утѣшишь какъ «въ сей, такъ и въ будущей жизни.» — Такъ напутствовалъ престарѣлый добродѣтельный отецъ молодого добраго сына, который, простившись въ послѣдній разъ съ родителями, и закинувъ за плечи кошель съ поклажей, пошелъ къ Москвѣ пѣшъ. Дорогою забрелъ проститься къ знакомому своему Кирдану, которому, при этомъ послѣднемъ свиданіи съ добрымъ учителемъ дѣтей своихъ, вспала на умъ благая мысль отослать ихъ подъ надзоромъ благонравнаго и надежнаго Мудрова въ Москву для образованія въ Гимназіи Университета. Вздумано и сдѣлано: въ тотъ же день мальчиковъ собрали въ дорогу, впрягли пару лошадей въ повозку, Мудрову подарены: шелковая пара платья, шелковые чулки, козловые башмаки съ серебряными пряжками, суконный сюртукъ, такая же шинель, треугольная пуховая шляпа и шелковый французскій, черный, съ большимъ бантомъ, кошелекъ для пучка; дано также рекомендательное и вмѣстѣ просительное письмо къ Профессору Университета Францу Францовичу Керестури, старинному съ Кирданомъ пріятелю и сослуживцу во время свирѣпствовавшей по Москвѣ заразы чумной въ 1771 году,—и къ вечеру всѣ отправлены въ путь — дорогу.—«Я считалъ себя тогда великимъ богачемъ, говорилъ Мудровъ, и явился къ Францу Францовичу щеголемъ.»—Добрый Керестури всѣхъ троихъ путешественниковъ привезъ съ собою въ Университетъ, представилъ ихъ сперва Директору Павлу Ивановичу

Фонъ-Визину, а потомъ Инспектору, Профессору Петру Ивановичу Страхову, и въ тотъ же день всѣ трое сидѣли на скамьяхъ въ классахъ Гимназіи, обѣдали въ столовой съ казенными воспитанниками и спали ночь въ казеннокоштныхъ камерахъ, на дворянской половинѣ. По тогдашнему порядку, никто не могъ поступать прямо въ Университетъ, но всякій долженъ былъ нанередъ побыть въ Гимназіи онаго, дабы выказать свои способности и благонравное поведеніе, и Мудровъ былъ принятъ въ ректорскій, т. е. самый верхній классъ древнихъ языковъ; въ 1795 г. произведенъ въ званіе Студента и на публичномъ торжественномъ собраніи получилъ изъ рукъ Куратора, Михаила Матвѣевича Хераскова, шпагу. Въ 1796 году, какъ способный и благонравный Студентъ, переведенъ изъ гимназическаго ректорскаго класса въ Университетъ. Тогда онъ предался изученію врачебныхъ наукъ съ такою горячностію и прилежаніемъ, что себѣ отказывалъ даже въ самыхъ невинныхъ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ. Вотъ что по смерти Мудрова сказывалъ товарищъ его молодости, покойный же Профессоръ Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ, сынъ священника въ богатомъ приходѣ Покрова, что въ Левшинѣ. «Я пришелъ въ Университетъ въ одно время съ Мудровымъ и довольно дружески сблизился съ нимъ; и вотъ «какъ-то разъ, по окончаніи лекцій, я вздумалъ было пригласить его къ себѣ въ домъ, къ родителю моему, отобѣдать, «но Мудровъ отвѣчалъ мнѣ на это такъ: извините, я пришелъ «сюда учиться, а не веселиться; nobyвавъ у васъ, я долженъ «бывать и у другихъ пріятелей, ихъ же много, то много же «придется даромъ тратить и золотаго времени.» Окончивъ курсъ теоретическихъ наукъ въ Университетѣ, Мудровъ долженъ былъ, по тогдашнимъ учрежденіямъ, окончить курсъ практическихъ занятій въ Московской Военной Госпитали, и это исполнилъ онъ съ такимъ же усердіемъ и прилежаніемъ. Онъ былъ всегда набоженъ, и никогда не пропускалъ божественной службы въ церкви Университета, почти всегда тутъ справлялъ чтеніе, напримѣръ шестопсалмія, часовъ, апостола, и читывалъ откровенно хорошо. Заступившій мѣсто Фонъ-Визина, новый Директоръ Иванъ Петровичъ Тургеневъ, великій охотникъ самъ пѣть и читать въ церкви, и супруга его Прасковья

Семеновна, весьма богомольная барыня, полюбили Мудрова, какъ за чтеніе, такъ и за его благоправіе, соединившееся съ благообразіемъ наружнымъ: ибо Мудровъ былъ хорошъ, даже красивъ собою, хорошаго стройнаго роста, волосы имѣлъ черные, отъ природы кудрявые, глаза большіе, черные, лицо чистое, бѣлое, съ нѣжнымъ румянцемъ, взглядъ откровенный, благородный. На первой и на Страстной недѣляхъ Великаго поста, когда семейство Директора говѣло, постная молитвенная служба справлялась въ ихъ покояхъ, и Мудрова приглашали къ чтенію; въ это время онъ подружился со старшимъ сыномъ Директора Андреемъ Ивановичемъ, и въ цѣломъ семействѣ былъ очень обласканъ. Въ 1797 году отчаянно занемогла оспою одиннадцатилѣтняя дочь Профессора и библіотекаря въ Университетѣ Харитона Андреевича Чеботарева, Софья Харитоновна; Докторъ, пріятель и товарищ Чеботареву, Профессоръ Университета Фѳдоръ Герасимовичъ Политковскій призналъ за необходимое, для строжайшаго наблюденія болѣзни препоручить больную въ неотлучный надзоръ кому-либо изъ Студентовъ Медицинскаго Факультета, и въ этомъ случаѣ выборъ его палъ на Студента Мудрова. Оспа была сплошная и сливная, и когда пазрѣла, тогда Студентъ-наблюдатель открылъ каждую оспину ланцетомъ и гноевидную матерію снялъ мокрою въ парномъ молокѣ губкою; болѣзнь протекла благополучно почти безъ примѣтныхъ слѣдовъ; обрадованный отецъ обнялъ Студента и сказалъ ему: «Ты хлопоталъ о дѣвчкѣ больной, какъ лучшій другъ нашъ, какъ родной братъ ей, такъ будь же ей, теперь твоими же попеченіями исцѣленной, женихомъ, а мнѣ роднымъ сыномъ». — Мудровъ не отказался отъ предложенія. Тургеневъ и Чеботаревъ познакомили его со многими важными лицами, каковы на примѣръ были извѣстный любитель и соревнователь русскаго просвѣщенія Николай Ивановичъ Новиковъ, Сенаторъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, Почтъ-Директоръ въ Москвѣ Фѳдоръ Петровичъ Ключаревъ и многіе другіе. Новыя знакомства открыли ему входъ въ лучшіе Московскіе дома и образованнѣшій кругъ, и здѣсь для него было, такъ сказать, практическое училище свѣтскаго обращенія и благоприличій. Въ 1798 году Мудровъ отъ Конференціи Университета удо-

стоенъ награды золотою медалью за лучшее рѣшеніе задачи, предложенной Студентамъ. Въ 1800 году награжденъ золотою же медалью за примѣрно-похвальное поведеніе. Въ томъ же 1800 году восплѣдовало Высочайшее соизволеніе на отпускъ лучшихъ Студентовъ за границу, для усовершенствованія въ наукахъ, и Мудровъ въ званіи Кандидата Медицины былъ избранъ въ это путешествіе для образованія по части Хирургіи; въ первыхъ числахъ Марта 1801 года онъ выѣхалъ въ С. Петербургъ, гдѣ засталъ роднаго брата своего, чиновника Алексѣя Яковлевича Мудрова на одрѣ болѣзни, въ предсмертной тоскѣ; смерть не замедлила къ страдальцу, послѣ котораго остались дочь и младенецъ, безъ средствъ обезпеченія. Мудровъ съ письмомъ отъ Чеботарева явился къ Конферепць-Секретарю Академіи Художествъ, Александру Ѳедоровичу Лабзину, и не только былъ принятъ и обласканъ какъ родственникъ истиннаго, лучшаго друга, но и облагодѣтельствованъ тѣмъ, что въ этомъ бездѣтномъ семействѣ приняли его сироту-племянницу на воспитаніе, какъ свою родную дочь. Какъ въ самое это время послѣдовала кончина Государя Императора Павла Петровича, и потому отъѣздъ за границу долженъ былъ приостановиться; то Мудровъ, по желанію своему, былъ временно прикомандированъ при морской госпитали въ качествѣ ординатора, и получилъ на руки скорбутную палату. Онъ очень удивился, когда при осмотрѣ первыхъ, вновь приведенныхъ при немъ, больныхъ увидѣлъ у нѣкоторыхъ всѣ признаки воспалительной горячки, съ мѣстными страданіями, у кого въ легкихъ, у кого въ печени, а между тѣмъ на скорбныхъ лицахъ, въ приводномъ покоѣ, болѣзни сіи названы просто скорбутомъ. По его соображеніямъ, слѣдовало бы положить больныхъ въ отдѣленіе съ горячками, и послѣшише умѣрнить кровопусканіемъ и противовоспалительными средствами чрезмѣрное напряженіе силъ; почему и почелъ за необходимое представить это все на уваженіе Главному Доктору, который, посмотрѣвъ на больныхъ, сказалъ ему: «Да, это подлинно горячка, только не воспалительная, а скорбутная или просто скорбутъ въ самомъ первомъ своемъ приступѣ; не совѣтую употреблять противовоспалительныя средства; лучше продолжайте противоскорбутныя». Время по-

казало, что и дежурный ординаторъ по приводному покою и главный Докторъ судили вѣрно. «Подобныхъ случаевъ, говорилъ Мудровъ, я никогда не видывалъ въ Московской Военной Госпиталѣ, и вотъ былъ мнѣ первый урокъ, доказавшій, «что между изученіемъ болѣзней книжнымъ или теоретическимъ и распознаваніемъ или взглядомъ практическимъ есть «пространный промежутокъ, который успѣшно и благотворно «восполняется долговременнымъ, разсудительнымъ наблюдениемъ и долготерпѣливою и осмотрительною опытностію, что «постигается лишь собственными глазами непосредственно, и «чего заглазно нельзя ни словами пересказать, ни перомъ «описать.»—Между тѣмъ, въ 1802 году, воспослѣдовало Высочайшее Государя Императора Александра Павловича подтвержденіе дозволенію отправить за границу молодыхъ людей Университета; и всѣ назначенные Кандидаты собрался въ С.-Петербургъ, и всѣ вмѣстѣ поѣхали въ предназначенный путь, въ Іюль того же 1802 года. Въ Берлинѣ Мудровъ снискалъ особенную благосклонность Лейбъ-Медика и Профессора Гуфеланда. Тогда, по всей Германіи, въ Медицинск. Факультетахъ господствовала почти надъ всѣми умами Браунова система, и Гуфеландъ въ такомъ же возрѣніи написалъ и нанечаталъ тогда первый томъ своей системы практической медицины; въ томъ же духѣ преподавалъ лекціи съ каѳедры, но въ клиникѣ, при постеляхъ больныхъ, онъ же слѣдовалъ одной лишь опытности и почти вопреки своимъ лекціямъ. Мудровъ не вытерпѣлъ и спросилъ у знаменитаго Профессора, почему это онъ съ каѳедры говоритъ такъ, а при больныхъ дѣйствуетъ иначе? — Гуфеландъ отвѣчалъ: «Въ больницѣ я «обязанъ поступать, какъ велитъ мнѣ совѣсть; а на каѳедрѣ я «принужденъ говорить то, чего всѣ требуютъ; и если бы сталъ «говорить по совѣсти, то никто бы не захотѣлъ меня слушать, «и моя бы аудиторія опустѣла».—Правдивость словъ сихъ подтвердилась и едѣ Мудровымъ на самомъ дѣлѣ въ Бамбергѣ, у Профессора Рёшлауба, самаго жаркаго послѣдователя Брауновой системы, у котораго аудиторія была всегда переполнена слушателями, въ числѣ коихъ были даже и почтеннѣйшіе Профессоры другихъ Университетовъ; такъ напримѣръ сидѣли тутъ съ Мудровымъ на одной лавкѣ Зибольдъ, Озиандеръ и

другіе; но въ клиникѣ Рёшлаубовой, весьма опрятной и даже нарядной, Мудровъ не видалъ ни одного больнаго: жители Бамберга и окрестностей его боялись клиники лѣченія Рёшлауба; молва народная была, что больные, какими бы легкими недугами ни были одержимы, въ этой клиникѣ почти всегда разнемогались отчаянно и умирали, потому что Рёшлаубъ при постеляхъ больныхъ дѣйствовалъ также, какъ говорилъ и на каедрѣ.—Въ Гёттингенѣ Мудровъ усердно учился у знаменитаго Августа Готлиба Рихтера, Директора и Профессора клиники, и пользовался его отчѣнною благосклонностію; тамъ же онъ особенно подружился съ Профессоромъ Бальдингеромъ. Въ Вѣнѣ Мудровъ преимущественно изучалъ болѣзни глазъ подъ руководствомъ Профессора Беера и приобрѣлъ его особенное и даже самое дружеское расположеніе. Въ Парижѣ Мудровъ прожилъ четыре года, бывъ тамъ задержанъ военными обстоятельствами, и во все это время прилежно слушалъ лекціи публичныя и приватныя у именитѣйшихъ Профессоровъ Порталя, Пинеля, Бойе и другихъ. Обучая Князей Голшцынскихъ Русскому языку и живя у нихъ въ домѣ, онъ всегда былъ въ кругу лучшаго Парижскаго общества, гдѣ встрѣчался и знакомился съ важными лицами тогдашней Франціи. За границу Мудровъ написалъ разсужденіе на Латинскомъ языкѣ: *De spontanea placentae solutione*, и прислалъ въ Совѣтъ Университета; здѣсь оно одобрено, однакоже не напечатано, и Мудровъ 1804 года, Марта 7-го числа, удостоенъ степени Доктора Медицины, а 1805 года, Августа 2-го дня, повышенъ въ званіе Экстраординарнаго Профессора. Въ 1807 году, на возвратномъ пути въ Москву, онъ былъ, по распоряженію Правительства, задержанъ въ Вильнѣ, гдѣ въ то время была расположена главная военная госпиталь всей арміи, въ которой тогда свирѣствовала эпидемія заразительныхъ кровавыхъ поносовъ. Тутъ препоручено было ему одно изъ отдѣленій съ 1,200 больными. Мудровъ началъ свои дѣйствія съ того, что первыхъ умершихъ вскрылъ и увидѣлъ всю мокротную оболочку въ тонкихъ кишкахъ, источенную разными безобразными язвинами, которыя были не влажны и какъ будто припорошены тонкою, желтою пылью; судя по симъ поврежденіямъ, онъ употребилъ особый способъ лѣченія, ко-

торый по его дозволенію, обстоятельно описанъ въ разсужденіи Доктора П. Л. Страхова: *De Dysenteria, dissertatio inauguralis pro gradu doctoris medicinae, Mosquae, 1821.* Съ легкой руки, и даже съ перваго разу, смертность уменьшилась и вскорѣ совсѣмъ прекратилась въ его отдѣленіи, а потомъ и во всей госпитали: за этотъ подвигъ Мудровъ награжденъ чиномъ Надворнаго Совѣтника и одновременно изъ Кабинета Императора выдачею 2,000 рублей, на что воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе 1809 года, Октября 2-го дня. Мудровъ тамъ сдружился съ Профессоромъ Виленскаго Университета, славнымъ Іосифомъ Франкомъ; тамъ же подружился и съ именитымъ литотомистомъ Пайоло, который былъ вызванъ изъ чужихъ краевъ для операціи весьма богатому Польскому помѣщику. Пайоло столько полюбилъ Мудрова, что всегда приглашалъ его бывать ассистентомъ при операціяхъ, которыя онъ въ Вильнѣ часто производилъ, и наконецъ даже показалъ ему на трупахъ всѣ подробности и тонкости своего искусства, доставившаго мастеру такую громкую славу и большое, можно сказать, огромное состояніе.

Въ Іюнѣ 1803 года, Мудровъ возвратился изъ путешествія въ Москву, прямо въ семейство заслуженнаго Профессора Чеботарева, и первымъ долгомъ поставилъ себѣ явиться къ начальникамъ своимъ, учителямъ и лучшимъ знакомымъ. И одинъ изъ прежнихъ знакомцевъ, Сенаторъ Иванъ Вл. Лопухинъ поспѣшилъ новопріѣзжаго путешественника представить лучшимъ и важнѣйшимъ особамъ Московскимъ. Тогда же началась и въ Университетѣ Профессорская дѣятельность Мудрова; отъ 17-го числа Августа того же 1808 года по 28 Іюня 1809 г., въ продолженіе академическаго курса, онъ преподавалъ (по руководству Дональда Монро: *Des maladies qui s'observent dans les hôpitaux militaires*) науку о Гигіенѣ и болѣзняхъ, обыкновенныхъ въ дѣйствующихъ войскахъ; а въ публичномъ торжественномъ собраніи Университета, 5 Іюля тогожь 1809 г., произнесъ рѣчь: *О пользѣ и предметахъ военной Гигіены или науки сохранять здравіе военнослужащихъ.* Еще въ началѣ года сего, Професс. Патологіи и Терапіи и Директоръ Клиническаго Института Политковскій, за выслугою болѣе 25 лѣтъ и по разстроенному здоровью своему, просилъ объ увольненіи отъ служ-

бы. Просьба его уважена, и онъ, на основаніи Высочайше дарованной тогда утвердительной грамоты Унверситету, наименованъ Заслуженнымъ Профессоромъ и награжденъ полнымъ окладомъ жалованья въ пенсію; Мудровъ былъ на его мѣсто избранъ и Апрѣля 15-го числа того же года утвержденъ въ званіи Ординарнаго Профессора и Директора Клиническаго Института. Здѣсь онъ учредилъ новый порядокъ составленію и веденію скорбныхъ листовъ, или исторій болѣзней; для образца написалъ исторіи двухъ больныхъ и собственною рукою вписалъ въ красную, съ золотымъ обрѣзомъ и украшеніями, сафьянную книгу, назначенную имъ для исторій болѣе замѣчательныхъ болѣзней. За усердную и ревностную службу пожалованъ Орденомъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 4-й степени, 1811 года Декабря 23-го дня. Въ Сентябрѣ 1812, при нашествіи полчищъ Западныхъ народовъ, Мудровъ, тогда Деканъ врачебнаго отдѣленія, слѣдовалъ вмѣстѣ съ Ректоромъ и другими членами Унверситета, въ Нижній Повгородъ, гдѣ не оставлялъ подавать дѣятельную помощь больнымъ. По очищеніи Москвы отъ непріятельскихъ войскъ, Мудровъ въ 1813 году, какъ Деканъ Медицинскаго Факультета, прилагалъ особенное усердіе при возобновеніи прежней анатомической аудиторіи, для преподаванія всѣхъ вообще предметовъ Медицины, и 13 Октября собственнымъ иждивеніемъ торжественно открылъ Медицинскій Факультетъ, при чемъ произнесъ: *Слово о благочестіи и нравственныхъ качествахъ Гиппократова врача*, которое тогда же и напечатано. Въ семь же Октябрѣ, 8 дня, принялъ должность Ординарнаго Профессора Патологіи, Терапіи и Клиники въ Московскомъ отдѣленіи Императорской Медико-Хирургической Академіи, гдѣ немедленно устроилъ и открылъ Клиническій Институтъ; но за нездоровьемъ и многими занятіями по службѣ Унверситетской испросилъ увольненіе отъ сей должности, отъ которой и уволенъ, 1817 года Ноября 8 дня, и, на основаніи положенія Комитета Господъ Мнпстровъ, признанъ непремѣннымъ Членомъ оной Академіи. Того же Ноября 10-го числа произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники. Въ 1818г., по порученію Попечителя Унверситета Князя Андрея Петровича Оболенскаго, составилъ два проекта Медицинскому Институту на 100 воспитанниковъ,

и Клиническому Институту на 50 больныхъ, которые одобрены Начальствомъ и удостоены Высочайшаго утвержденія Апрѣля въ 19-й день, 1819 г., и въ тотъ же самый годъ и день Мудровъ произведенъ въ Статскіе Совѣтники. Этотъ вновь учрежденный при Университетѣ Медицинскій Институтъ и возобновленный и распространенный Клиническій Институтъ были, Сентября 25 дня 1820 года, торжественно открыты, и Мудровъ назначенъ, и 13-го числа Октября Начальствомъ утвержденъ, въ званіи Директора оныхъ Институтовъ. Но 1828 года, Августа 18-го дня, отъ Директорства надъ Медицинскимъ Институтомъ освобожденъ, оставаясь всегда Директоромъ Клиники. За особенное усердіе къ службѣ пожалованъ Орденомъ Св. Анны 2 класса въ 1824 году, Февраля 3-го дня, и по прошествіи 4-хъ лѣтъ, именно же Апрѣля 16 дня 1828 года, награжденъ того же ордена алмазными знаками. Пять разъ былъ избираемъ въ Деканы Медицинскаго Факультета; а именно, въ 1812, 1813, 1819, 1825 и 1828 годахъ. Кромѣ того, за свои ученые труды, былъ принятъ Членомъ въ ученыхъ обществахъ: въ Парижскихъ Академическомъ и Галваническомъ, въ Парижской Медицинской Академіи, въ Геттингенскомъ Повивальномъ, въ Московскомъ Физико-Медицинскомъ, Испытателей Природы, Истории и Древностей Россійскихъ и Корресподентомъ С.-Петербургскаго отдѣленія Медико-Хирургической Академіи. При вышеупомянутомъ открытіи Институтовъ Медицинскаго и Клиническаго, Матвѣй Яковлевичъ сказалъ рѣчь о способѣ учить и учиться практической Медицинѣ, и въ этомъ сочиненіи своемъ онъ въ сильныхъ и даже въ рѣзкихъ чертахъ правдиво изобразилъ трудность изученія врачебной науки, тягостное бремя обязанностей добросовѣстнаго врача и вообще все то, что двадцатипятилѣтняя опытность открыла ему, прежде какъ ученику, а потомъ какъ учителю. Тутъ онъ себя показалъ прямымъ послѣдователемъ Медицины Гиппократовской, непричастнымъ никакой теоріи или системѣ. Съ начала своего профессорства онъ всегда руководствовался славнымъ сочиненіемъ знаменитаго врача-учителя Іоанна Петра Франка: *De curandis hominum morbis epitome*; а въ клиникѣ анализировалъ болѣзни и назначалъ порядки лѣченій по натурамъ или діатезамъ, слѣдуя сочиненію своего пріятели Іосифа Франка: *Пра-*

xeos medicinae universae praescepta. Но съ 1824 года нѣсколько началъ склоняться къ теоретическому воззрѣнію повой, образовавшейся во Франціи, медицины физиологической; стали ему нравиться сочиненія, въ коихъ излагалось ученіе Парижскаго Профессора Бруссе, нѣкоторымъ образомъ подходившее къ его практическимъ наблюденіямъ; вслѣдствіе чего онъ съ кафедры началъ преподавать лекціи въ особомъ порядкѣ, и въ 1826 году напечаталъ конспектъ, подъ заглавіемъ: *Nosographia physiologica ad leges et extispicia anatomiae generalis et pathologicae delineata*. Мудровъ и въ клиникѣ началъ было слѣдовать тому же воззрѣнію, однако же опыты показали, что теорія Бруссе тоже, что и теорія Брауна, вывороченная наизнанку, не оправдала тѣхъ великихъ успѣховъ, которые провозглашались въ книгахъ, и нѣсколько болѣзненныхъ случаевъ, вопреки благимъ ожиданіямъ, исходъ имѣли неблагопріятный, между тѣмъ какъ таковыя же случаи прежде оканчивались благополучно; почему Профессоръ Мудровъ въ своихъ практическихъ дѣйствіяхъ не измѣнилъ прежней преданности и покорности опыту и наблюденіямъ, и ежели что оставалось при немъ изъ новой системы, то развѣ одно лишь очень большое, чуть чуть не излишнее пристрастіе къ употребленію піявокъ, которыхъ впрочемъ онъ всегда очень любилъ, и даже въ 1815 году вырѣзалъ на прекрасномъ сердоликовомъ перстнѣ печать съ изображеніемъ піявицы; эта печатка всегда была у него самая любимая и самая употребительная. Всегда также любилъ кровопусканіе, и нерѣдко производилъ эту маленькую операцію собственными руками, особливо же у бѣдныхъ больныхъ; достаточнымъ и богатымъ всегда рекомендовалъ для оной почтеннѣйшаго, стариннаго врача Университетской больницы, Ивана Христіановича Цемша, котораго почиталъ за великаго и первѣйшаго въ Москвѣ искусника въ этой, повидимому, очень легкой, однако же почасту весьма не безопасной операціи. Въ клиникѣ Мудровъ ни мало не оскорблялся, когда медикъ, помощникъ его, отмѣнялъ назначенныя имъ предписанія кому-либо изъ больныхъ, но всегда притомъ говаривалъ своимъ слушателямъ: «На то мнѣ и помощникъ надобенъ, чтобы подмѣчалъ то, чего я не подглядѣлъ, и поправлялъ бы мои ошибки; *errare humanum est*, и на старуху бываетъ проруха.» Когда

же кто изъ слушателей сообщалъ при постели больного свое мнѣніе, Профессоръ ласково прѣнималъ въ соображеніе къ своимъ объясненіямъ, и ежели замѣчаніе Студента ему казалось умѣстнымъ, то хвалилъ, приговаривая: «хорошо, душа, очень хорошо, и я и всѣ мы тебѣ спасибо, что надоумилъ». Какъ богобоязливый Христіанинъ, какъ добрый и воздержный семьянинъ, какъ чиновникъ, преданный долгу службы, какъ вѣрнопопдаанный, благоговѣнно чтившій и любившій Государя и весь Царственный Домъ, Мудровъ, разставаясь съ молодыми врачами, при отпускѣ ихъ на службу, преподавалъ имъ самыя искреннія афористически-краткія поученія: «Ступай, душа, будь скромнень, не объѣдайся мясищемъ, не пей вина и пивца, не блуди, бѣгай отъ картишекъ, будь покоренъ начальству, люби свое дѣло, свою науку, люби службу Государеву, и будешь счастливъ и почтенъ; Galenus dat opes, Justinianus honores.» Въ городской практикѣ своей онъ весьма дорожилъ совѣтами старшихъ предъ нимъ врачей, особливо же своихъ прежнихъ учителей; такъ наирпмѣрь, по возвратѣ изъ чужихъ краевъ, Мудровъ явился засвидѣтельствовать почтительное уваженіе бывшимъ Профессорамъ Московской Военной Госпитали и своимъ практическимъ наставникамъ доктору и оператору Ивану Дорошевичу Гильтебрандту и доктору же Матвѣю Христіановичу Пекену, и весьма былъ опечаленъ ихъ нездоровьемъ. Гильтебрандтъ почти совѣмъ оглохъ, а Пекенъ совершенно ослѣпъ отъ темной воды, совершенно же былъ и позабытъ въ Москвѣ. Не взирая на сіи недостатки и высоко оцѣнивая практическую опытность просвѣщеннѣйшихъ своихъ учителей, молодой практикъ ни мало не усомнился приглашать ихъ обоихъ на консиліумы. Самъ же онъ, призванный на консиліумы, никогда горячо не спорилъ, не порицалъ мнѣній и дѣйствій врачей, но изъяснялъ свои мнѣнія или возражалъ тихо, вразумительно, безъ надменности, безъ насмѣшекъ; предъ большимъ и домашними его членами никогда не поносилъ и не чернилъ поступковъ обыкновеннаго, пользовавшаго въ домѣ врача; ибо охуждать врача предъ неврачами онъ почиталъ за одно и то же, что поносить самую науку врачебную; но если подлинно усматривалъ неправильныя дѣйствія какого врача, то наединѣ дѣлалъ ему замѣча-

нія, даже и выговоръ, но дѣльный, ясный, безъ грубости и оскорбленія, и при всемъ томъ старался всячески оправдать врача предъ больнымъ; если совѣтовалъ совершенную перемѣну лѣченія, то хлопоталъ всегда о томъ, чтобы новыя лѣкарства по вкусу и виду были, сколько можно, схожи съ прежними. Съ больными своими обходился по наставленіямъ Гиппократа: онъ почиталъ весьма недобримъ дѣломъ покидать болящаго потому лишь, что скупо заплатилъ за первое посѣщеніе; особливо же въ болѣзняхъ скоротечныхъ онъ не оставлялъ и богатаго, но скупаго больного, безъ помощи; и только по мннованіи болѣзни дѣлалъ ему пристойное замѣчаніе о его слишкомъ-разсчетливой благодарности.

Всѣ чиновники Университета и вообще всѣ изъ ученаго сословія, люди военнаго и духовнаго чина, заѣзжіе чужестранцы и всѣ, всѣ недостаточные и бѣдные люди имѣли къ нему свободный доступъ, пользовались его совѣтами, безъ всякой тѣни возмездія; онъ былъ не лѣнивъ посѣщать и бѣдняковъ, и сплосъ да рядомъ, вмѣсто полученія платы за визитъ, самъ ссужалъ больныхъ деньгами на чай, вино и лѣкарства. Онъ былъ совершенно безкорыстенъ, благороденъ въ своей практикѣ, и не только не обижался, не досадовалъ, когда больные оставляли его и призывали къ себѣ иныхъ медиковъ, но, бывало, радовался тому, говоря, что самъ Богъ отводилъ его отъ хлопотъ и печалей. Одинъ только разъ Матвѣй Яковлевичъ былъ очень сильно растревоженъ и огорченъ тѣмъ, что его оставилъ и ввѣрился другимъ, не больно свѣдущимъ докторамъ, одинъ изъ его больныхъ, Преосвященный Августинъ, Архіепископъ Московскій, страдавшій ипохондрією, бывшій одиннадцать лѣтъ въ тѣснѣйшей дружбѣ съ Мудровымъ.

Всегда почтительный предъ начальствомъ, Мудровъ былъ снисходителенъ, кротокъ, привѣтливъ съ подчиненными своими, не терпѣлъ напраслины и лишней строгости, готовъ былъ всегда каждому на помощь и добрымъ совѣтомъ и ходатайствомъ и вещественнымъ пособіемъ; молодые врачи и Студенты медицинскіе Университета всегда могли въ своихъ нуждахъ прибѣгать къ нему и не выходили безъ пособія. Онъ любилъ науку, любилъ книги, даже съ пристрастіемъ, и собралъ обширную бібліотеку; все читалъ

самъ и все помнилъ; время чтенія было у него въ каретѣ; любилъ всѣхъ тѣхъ, которые любили учиться, и библіотека его была для нихъ открыта: великое благодѣяніе молодымъ людямъ, искавшимъ получить высшія ученыя степени и писавшимъ необходимыя притомъ разсужденія.—Когда бравшіе у него книги возвращали ихъ назадъ, благодарили его, хвалили книги и библіотеку, тогда онъ радовался, что удалось ему пособить молодымъ людямъ. И подлинно правда, его библіотека и его столь радушная сообщительность были истиннымъ, лучшимъ приближеніемъ для искателей прочныхъ познаній въ Медицину. Университетская библіотека не была еще открыта, потому что не была приведена въ порядокъ. Мудровъ не жалѣлъ книгъ, лишь бы только читали ихъ. Онъ принималъ на себя хлопоты выписывать Студентамъ книги изъ чужихъ краевъ: каждый вписывалъ въ тетрадку свое имя и титулъ книгъ, ему надобныхъ; по этой тетрадкѣ Мудровъ, чрезъ Московскую книжную лавку Готье, выписывалъ ихъ изъ чужихъ краевъ на свои собственные деньги съ платою за коммисію по 5 процентовъ съ рубля, и получивъ, раздавалъ Студентамъ-выписчикамъ, которые платили по расчету — достаточные немедленно при полученіи, маломощные въ разные сроки, а многіе и многіе навсегда остались ему должными, думаю, не меньше двухъ тысячъ рублей ассигнаціями, и отъ Мудрова никогда о томъ не было слышно никакого помину.

Покойный высоко чтилъ память родителей своихъ и женинныхъ, и весьма дорожилъ вещами, послѣ нихъ ему доставшимися: чайная старая чашка, принятая имъ изъ рукъ отца при послѣднихъ розстаняхъ, всегда была священна для него; каждое утро и вечеръ, помолясь Богу, онъ цѣловалъ ее, вмѣсто руки родительской; съ этою драгоцѣнностію Мудровъ странствовалъ по чужимъ краямъ и какъ-то дорогою расшибъ ее: великая печаль овладѣла имъ тогда; онъ старательно собралъ ея всѣ разбитые вершечки, всѣ крупинки, и сохранилъ до приѣзда въ Парижъ; тамъ одинъ изъ бронзовыхъ дѣлъ мастеровъ утѣшилъ его, собралъ въ свои мѣста всѣ вершечки и склеилъ ихъ; подъ возобновленную такимъ образомъ чашку поддѣлалъ красивый четырёхножникъ и накрылъ бронзовою крышкою; все это вмѣстѣ представляло очень красивый ма-

лепкій памятникъ, который у почтительнаго сына всегда занималъ первое почетнѣйшее мѣсто между всѣми другими вещами въ домѣ *. Такое весьма похвальное чувство благоговѣйшаго почтенія дѣтей къ памяти покойныхъ родителей, столько, по милосердію Творца небеснаго, сродное, столько обыкновенное Русскому народу, показалось Французамъ весьма удивительною, диковинною рѣдкостію; изъ разсказовъ бронзовщика о его работѣ для Мудрова составился анекдотъ, который не только разсказывали по цѣлому Парижу, но даже припечатали и въ журналахъ. Года за два съ чѣмъ-нибудь до разоренія Москвы, Докторъ Мудровъ вышелъ изъ дома больнаго на подъѣздъ, бывший на улицѣ, и хотѣлъ садиться въ карету; какая-то женщина, бѣдненько одѣтая, съ большою толстою книгою въ рукахъ, перешла ему дорогу.—«Не продаешь ли, голубка, эту книгу?» спросилъ онъ у женщины.—«Продаю-съ. «Покажи-ка, а что цѣна»? Десять-съ рублевъ-съ. Мудровъ посмотрѣлъ на заглавный листъ, и увидѣлъ, что это рукописный переводъ Латинскаго Калепинова Лексикона на Русскій языкъ.—«На тебѣ, голубушка, деньги», сказалъ онъ женщинѣ, подавъ ей въ руку 15 рублей, и сѣлъ съ покупкою въ карету; но какъ же онъ изумился, когда, разсматривая дорогою книгу, увидѣлъ приписку: «переведено съ Латинскаго на Словенорусскій языкъ трудами и начисто переписано рукою «недостойнаго во Іереяхъ Іакова Іоаннова Мудрова». Эта женщина, удивленная щедростію покупателя, успѣла спросить у лакея, кто этотъ господинъ? «Докторъ Мудровъ,» сказалъ ей человекъ и вскочилъ за карету, которая поскакала къ дру-

* Видъ сей вещицы представленъ на верхней доскѣ переплета у книжки: Слово о благочестіи и нравственныхъ качествахъ Гипократа врача. Москва 1814 г. На исподней доскѣ того же переплета изображенъ краугольный (кубическій) камень, какъ эмблема земли; на немъ горящая лампада;—это огонь; на лампадѣ ползеть пчелка и сидитъ бабочка; это будто бы вода и воздухъ; мысль такой эмблемы четырехъ стихій принадлежала Мудрову отцу, а Мудровъ сынъ исполнилъ ее на печати. Къ сожалѣнію, рѣзчикъ слишкомъ пересолилъ свою стряпню, придѣлавъ пчелкѣ усики и какую-то щетинку по спинѣ.

гимъ больнымъ. Стоило бѣдной жепцинѣ лишь у перваго прохожаго спросить, гдѣ живетъ Докторъ Мудровъ, и тотъ прямо ей могъ отвѣтить: «ступай въ Университетъ.» Такъ и случилось: она пришла, узнала, что Докторъ еще не воротился, дождалась его на дворѣ у крыльца, и прямо упала ему въ ноги. «Ахъ батюшка, Матвѣй Яковлевичъ», вскричала она, «вѣдь я несчастная тебѣ не совѣмъ чужая, я золовка твоей покойной сестрицы». — «Богъ тебя послалъ ко мнѣ, дорогая родная моя», сказалъ Мудровъ, поцѣловалъ и обнялъ ее, и, взявъ подъ руку, привелъ въ покои, представилъ почтеннѣйшимъ своимъ тестю и тещѣ, препоручилъ женѣ позаботиться поспѣшнѣе о всемъ для родственницы своей, которую оставилъ у себя, присовѣтовалъ ей выучиться повивальному искусству, въ чемъ она и успѣла, — и въ его домѣ, въ семействѣ, жила, какъ близкая родственница, до самой кончины ея, лѣтъ черезъ пять послѣдовавшей отъ внутренняго рака. Трудъ любезнѣйшаго родителя — книгу въ кожаномъ ветхомъ переплетѣ — Мудровъ завернулъ въ дорогой, шелковый, большой платокъ и хранилъ пуще своихъ глазъ. Во дни кручины и горести, онъ вынималъ эту драгоценность свою, раскрывалъ, цѣловалъ, пересматривалъ, дивился уму, учености, трудолюбію отца своего; печали исчезали, радость и удовольствіе заступали ихъ мѣсто въ добродѣтельномъ сердцѣ почительнѣйшаго сына. — Въ 1819 году эта подлинно дорогая книга была, по совѣту и подъ непосредственнымъ надзоромъ Профессора П. Л. Страхова, переплетена въ алый сафьянный переплетъ съ золотымъ обрѣзомъ, а незадолго предъ кончиною своею, Мудровъ помышлялъ было снять съ этого лексикона вѣрный списокъ для печатанія; къ сожалѣнію, это не исполнилось. Во время пребыванія своего въ Нижнемъ Новгородѣ, зимою 1812 года, Матвѣй Яковлевичъ случайно увидѣлъ двухъ сиротъ, дочерей своего учителя Профессора Ѳомы Ивановича Барсукъ-Моисеева; тутъ же взялъ ихъ къ себѣ въ семью, и озаботился о пристойномъ ихъ воспитаніи; также принялъ къ себѣ и воспиталъ сиротъ, сына и дочь своего товарища по Студенчеству, Профессора Ивана Ѳедоровича Венсовича, и всѣхъ онъ любилъ какъ своихъ родныхъ дѣтей. Въ его семействѣ дожила вѣкъ свой теща его, вдова Профессора, Статская Со-

вѣтница Софья Ивановна Чеботарева, которую онъ до конца ея жизни столько любилъ и почиталъ, сколько должно и можно любить и уважать добрѣйшую родную мать самому добродѣтельному сыну. И если не больше, то ужь никакъ не меньше пользовалась его преданностію и почительностію добрая, благоразумнѣйшая особа, вдова, Дѣйствительная Статская Совѣтница, Анна Евдокимовна Лабзина, которая обрѣла въ его домѣ снокойствіе и утѣшеніе до своей смерти, послѣдовавшей въ Октябрѣ 1827 года. Милосердо, попечительно обходился онъ съ людьми и крестьянами своими, и былъ ими любимъ сердечно, уважаемъ подобострастно; столько былъ онъ жалостливъ и сострадательнъ ко всѣмъ и ко всему, что въ домѣ своемъ не терпѣлъ ни малѣйшей жестокости; никто не смѣлъ въ глазахъ его ударить собаку, даже забѣглую, чужую; напротивъ того, всегда ихъ называлъ гостьями, и приказывалъ накормить всѣхъ, сколько бы ихъ ни забѣжало на дворъ, и ничуть не обижать; даже не смѣлъ никто въ домѣ поставить мышамъ ловушку, или подложить отраву; если это иногда и дѣлалось по приказу госпожи, то съ величайшею осторожностію, чтобы онъ не провѣдалъ про то. «И онѣ твореніе рукъ Божіихъ, помѣстевъ не имѣютъ, жалованья не получаютъ, надо же имъ питаться; насъ не объѣдаютъ; будемъ сыты всѣ, не изводя ихъ такими жестокими средствами», — такъ онъ говаривалъ, однако же терпѣлъ въ домѣ и даже ласкалъ кошекъ, разсуждая, что «природа сама указала имъ ловить мышей и питаться ими, и мы не должны вмѣшиваться въ ея распоряженія». — Ему никогда не готовили и не подавали на столъ кушанья изъ домашнихъ птицъ и другихъ жпвотныхъ, которыхъ онъ видѣлъ у себя на дворѣ живыхъ; одинъ видъ такихъ снѣдей возбуждалъ въ немъ тоску, даже до тошноты. Былъ во всемъ умѣренъ, не прихотливъ, могъ довольствоваться малымъ, даже любилъ простое кушанье, и вообще во всемъ простоту; въ его домѣ пріемныя комнаты были обиты простыми липовыми досками; въ его кабинетѣ, въ которомъ онъ трудился и отдыхалъ, деревянные съ конопаткою стѣпы были ничѣмъ не закрыты, ни обоями, ни штукатуркою; вмѣсто фортки было особое волоковое окошко; все это было ему по сердцу, потому что, хотя нѣсколько, наио-

ливалось прежній бытъ его дѣтства и молодости, простую избушку родительскую. Его завтракъ былъ чашка чаю, либо какой-нибудь душистой травки, чаще же листу черной смородины, и пятаковая просвира, которымъ у него не было перевода: бѣдные больные ими оплачивали за его пособія и посѣщенія. За тѣмъ другой завтракъ гдѣ-нибудь у знакомыхъ, или дома обѣдъ не нарядный, но пристойный, потому лишь, что самъ онъ былъ хозяинъ-хлѣбосоль, любилъ, когда у него обѣдывали посторонніе люди, и скучалъ, когда видѣлъ за столомъ одно лишь свое семейство. Не смотря на этотъ скромный, воздержный порядокъ жизни, людское злорѣчіе приписывало ему пороки пьянства, обжорства, корыстолюбія. Такія клеветы выдумывали и вносили на него люди, не знавшіе ни самаго Мудрова, ни обстоятельствъ его домашнихъ, или злобные его завистники.

Если можно было считать въ Мудровѣ слабостію, то развѣ одно лишь то, что былъ немного тщеславенъ и пристрастенъ къ своимъ сочиненіямъ; съ примѣтною кручиною выслушивалъ онъ сужденія тѣхъ, предъ которыми читывалъ какую-либо свою рукопись; по-долгу не рѣшался дѣлать въ своихъ выраженіяхъ поправки по предложеннымъ ему замѣчаніямъ, которыхъ самъ же онъ требовалъ. Особенно любилъ онъ и уважалъ языкъ Славянскій и дорожилъ старинными рукописями и старопечатными книгами и вообще всякою стариною. Молитвенное слово, сочиненное имъ и читанное Іюля 5-го дня 1819 года, при освященіи основанія подъ пристройку къ зданію клиническаго института, также переведенное имъ съ Пѣмецкаго языка *духовное врачевство, или священныя размышленія о болѣзняхъ тѣла человеческого*, остались неизданными въ свѣтъ лишь потому, что не успѣлъ онъ испросить дозволенія къ напечатанію ихъ буквами Славянскими. Кромѣ сихъ и вышеупомянутыхъ торжественныхъ рѣчей и разсужденія, онъ еще написалъ слѣдующія: 1) *Principes de la pathologie militaire concernant la guérison des plaies d'armes à feu et l'amputation des membres sur le champ de la bataille, ou à la suite du traitement développés auprès des lits des blessés, à Vilna, 1808*; 2) *Разсужденіе о средствахъ, вездѣ находящихся, которыми въ трудныхъ обстоятельствахъ, при недостаткѣ апте-*

карскихъ лѣкарствъ и лѣкарей, должно помогать больному солдату. Это разсужденіе читано въ Медико-Физическомъ обществѣ, Мая 4-го 1812 г., но за тревожнымъ состояніемъ Москвы не напечатано и съ пожаромъ Университетскихъ зданій истребилось. 3) *Речь благодарственная къ посылителямъ*, говоренная 1819 года Ноября 10-го дня при освященіи и открытіи возобновленнаго анатомическаго зданія въ Университетѣ, осталась не напечатана. — 4) *Гиппократъ афоризмы*, въ Русскомъ переводѣ, съ Греческимъ оригинальнымъ текстомъ, печатаніе коихъ началось было въ 1821 году, но по случаю вышеобъясненной долговременной болѣзни прекратилось. — 5) *Краткое наставленіе о холерѣ и способъ, какъ предохранять себя отъ оной, какъ излѣчивать ее и какъ останавливать распространеніе оной*. Первое изданіе сей книжки вышло въ Сентябрѣ 1830 года во Владимірѣ, а второе въ Январѣ 1831 года въ Москвѣ.—Самое же лучшее и любопытнѣйшее произведеніе ума его и пера заключалось въ огромномъ собраніи исторій болѣзней всѣхъ до единого изъ больныхъ, которыхъ онъ пользовалъ въ продолженіе своей 22-лѣтней Московскою практикою; такихъ исторій сокращенно и какъ бы гіероглифическими знаками писанныхъ, на листикахъ золотообрѣзной бумаги, съ небольшимъ по 3 вершка длины и безъ малаго по 2 вершка ширины, собрано было у него болѣе 40 томовъ, изъ коихъ многіе имѣли толщину добраго лексикона.—Всегда помнивъ отцовское послѣднее слово: *ordo est cardo omnium rerum*, Мудровъ съ самаго начала своей медицинской практики установилъ для своихъ дѣйствій особый порядокъ, отъ котораго ни на волосъ не отступалъ до конца своей жизни,—порядокъ весьма недурной и очень бы не лишній всякому практику, и вотъ въ чемъ онъ состоялъ. Мудровъ имѣлъ всегда при себѣ два бумажника, одинъ годовой съ календаремъ для двѣнадцатимѣсячныхъ тетрадокъ, а другой всегдашній для скорбныхъ листиковъ или исторій больныхъ. Въ годовой записной книжкѣ влеталась часть С.-Петербургскаго Академическаго мѣсяцослова, а именно мѣсяцы, о затмѣніяхъ, роспись табельнымъ днямъ и роспись отхода и прихода Московскихъ почтъ, и кромѣ того была шелковая изъ крѣпкаго шнура закладка, за которую закладывалась мѣсячная, чистая тетрадка въ 24

листика; каждый мѣсяцъ тетрадка смѣнялась новою, такую же, чистою, а прежняя, исписанная, откладывалась къ своему мѣсту, въ шкафъ. Первые листочки, числомъ 16, въ тетрадкѣ назначались днямъ мѣсяца, а именно, самый первый весь подъ первое число, за тѣмъ, для каждаго числа, по страничкѣ; поля или края сихъ листочковъ подрѣзывались убѣгами, или уступами, на которыхъ выставлялись цифры четныхъ чиселъ мѣсяца: 2, 4, 6 и проч. На каждой страничкѣ записывались имена тѣхъ больныхъ, которыхъ надобно было посѣщать въ то число мѣсяца, и тѣ дѣла, которыя должно было исполнить. Имена больныхъ трудныхъ подчеркивались одною, либо двумя, либо и тремя линейками, смотря по необходимости непременно быть у нихъ прежде другихъ. У кого успѣвалъ побывать, противъ тѣхъ оставалась буква б. На остальныхъ 8 листкахъ тетрадки записывалось разное, не принадлежащее прямо къ практикѣ, напримѣръ пословицы, свѣдѣнія о простонародныхъ лѣкарствахъ, любопытные и поучительные анекдоты и тому подобное; съ перемѣною мѣсяца изъ прежней тетрадки переписывалось въ другую, по своимъ мѣстамъ, все, что не исполнено въ минувшемъ, и что слѣдовало кончить въ новомъ мѣсяцѣ. По истеченіи года, котораго число печаталось золотомъ на переплетѣ бумажника, такая записная книжка со всею дюжиною исписанныхъ мѣсячныхъ тетрадокъ, связывалась шелковымъ шнуркомъ и ставилась въ шкафъ. Для новаго года уже была готова новая, такая же записная книжка. Другой бумажникъ, длинный, съ шестью тафтяными сумочками, содержалъ скорбные листочки больныхъ, которыхъ Мудровъ продолжалъ еще навѣщать.—Посѣтивъ больнаго въ первый разъ и изслѣдовавъ его болѣзнь, какъ бы она ни была маловажна, онъ непременно записывалъ ее на своемъ чистомъ листочкѣ, въ началѣ котораго ставилъ имя, отчество, прозваніе, чинъ, занятіе больнаго, годъ, число и недѣльный знакъ для посѣщенія; вносилъ туда опредѣлительные признаки болѣзни и все достойное замѣчанія, назначенныя имъ діету и врачевныя средства; тутъ же писалъ, такъ сказать, черновыи рецептъ, съ котораго потомъ списывалъ начисто другой рецептъ въ обыкновенномъ видѣ, для аптеки.—По его замѣчаніямъ не хорошо, когда врачъ, прописывая рецептъ, ошибается, поправляетъ,

перемарываетъ и принимается писать другой рецептъ; это очень пугаетъ большыхъ, либо его приближенныхъ, первое потому, что возбуждаетъ подозрѣніе о нерѣшимости, либо о неопытности самаго врача, либо о трудности и опасности болѣзни; второе, съ перваго разу, изъ такой неудачи рецепта, суевѣрные люди, а ихъ превеликое множество, выводятъ разныя нелѣпыя предзнаменованія несчастій; въ своей же скорбной запискѣ онъ полную имѣлъ свободу переправлять и перемарывать сочиняемый рецептъ, какъ хотѣлось, а съ листа переписать рецептъ начисто и безъ ошибки не мудрено. Когда одинъ листикъ весь исписывался, тогда прилагался другой съ надписью: продолженіе болѣзни такого-то; по окончаніи же лѣченія, всѣ листики этой болѣзни выкладывались изъ бумажника въ томъ той буквы, которою начиналось прозваніе больного, и помѣщались въ своемъ мѣстѣ между другими, а самое прозваніе съ именемъ больного вписывалось въ реэстръ, при этомъ томѣ приложенный. Умершаго всѣ скорбные листики выкладывались въ особый томъ, надписанный: *Mortui*; имя покойника вписывалось въ реэстръ этого тома. Почти при всякомъ свиданіи Проф. Страхова съ Мудровымъ, еще были порученія порыться въ этихъ томахъ практики и отыскать прежніе рецепты на удовлетвореніе требованій такого содержанія: «Батюшка, Матвѣй Яковлевичъ, пришли мнѣ рецептъ зеленой мази (или краснаго спирта, или темной микстуры п. т. п.), что мнѣ ты давалъ, какъ я у тебя была, очень помогла и теперь ужасъ какъ надобна.» Случалось по такимъ запискамъ выдать рецепты, прописанные въ первый разъ лѣтъ за 10, за 15, и всегда удовлетворительно; большие узнавали прежнее лѣкарство и благодарили Мудрова. Немногіе врачи въ Москвѣ обладали такимъ богатымъ собраніемъ практическихъ наблюденій, и покойный чрезвычайно дорожилъ и пуще глазу берегъ это безцѣнное сокровище свое, собирался составить изъ него надлежащій сводъ, подъ заглавіемъ *praxis medica*, пригласилъ было и Страхова въ сотрудники себя, и увидѣвъ у него собраніе записокъ изъ его лекцій объ изслѣдованіи болѣзней и разспросахъ больнымъ, или объ экзаменѣ болѣзни, требовалъ, чтобы онъ занялся такимъ добрымъ дѣломъ, брался и напечатать, для чего отдалъ ему и свой конспектъ, по ко-

тому самъ преподавалъ этотъ предметъ съ кафедры. Это составляетъ теперь драгоценность, принадлежащую Страхову. И все это превосходное и полезное предприятие рушено Индѣйскою холерою, ворвавшеюся въ наше отечество, въ 1830 году!

Сентября 4-го числа, въ 5 часовъ по полудни, Мудровъ получилъ строгое предписаніе Университетскаго Начальства, чтобы чрезъ 24 часа по полученіи сего, отправился въ Саратовъ, въ учрежденную тамъ временную центральную комиссію для прекращенія болѣзни холеры, и на другой день, 5-го числа, въ самую грязную и ненастную погоду, и въ опредѣленный срокъ, онъ выѣхалъ изъ своего дома; родной братъ его жены, отставной Коллежскій Совѣтникъ Чеботаревъ, вызвался провожать его въ дорогѣ, а барыня уговорила Мудрова ѣхать съ нимъ. Проѣздомъ чрезъ губернской городъ Владиміръ, по желанію тамошняго Гражданскаго Губернатора, Матвѣй Яковлевичъ написалъ краткое наставленіе о холерѣ, о которомъ упомянуто выше. Въ концѣ Декабря того же 1830 года центральная комиссія для уничтоженія холеры прибыла въ Москву, а съ нею воротился и Мудровъ. Бывшій при оной комитетъ изъ 4 членовъ, Докторовъ Медицины и Секретаря неврача (и всѣ-то они теперь покойники) каждый день собирався въ домъ Матвѣя Яковлевича, какъ предсѣдателя; каждый день читали входящія бумаги, говорили, спорили, а дѣло впередъ мало двигалось. Не припомню въ какой день, Мудровъ пріѣхалъ, къ Проф. Страхову, очень растревоженный, и сказалъ: «Г-нъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ очень недоволенъ «бездѣйствіемъ нашего Комитета; ну, бѣда мнѣ съ Членами «и съ Андреемъ Харитоновичемъ (Чеботаревымъ, его шуриномъ, который былъ Секретаремъ Комитета); ужъ никакъ не придумаю, что мнѣ дѣлать.» Наконецъ было написано: *Наставленіе простому народу, какъ предохранять себя отъ холеры и льчить занемогшихъ сею болѣзнію въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни лѣкарей, ни аптекъ.* Это наставленіе, по разсмотрѣніи въ Комитетѣ, пущено въ ходъ отъ имени Комитета, немедленно напечатано, и послѣ внесено въ XIII томъ Свода Закон. издан. 1842 г. Хотя теперь нѣсколько поуспокоился Мудровъ, однакоже очень тревожился тѣмъ, что, за разно-

лосицей господь Членовъ Комитета, не могъ привести всѣ дѣла къ концу и начисто раздѣлаться съ нимъ и Центральною Комиссіею. За свои въ оной труды тогда же Мудровъ награжденъ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника. Чтобы сколько нибудь поспѣшиѣе достигнуть окончанія дѣлъ, Матвѣй Яковлевичъ пригласилъ лучшихъ троихъ Студентовъ для исправленія письмоводства. Однакожь въ началѣ Мая мѣсяца Комитетъ былъ отозванъ въ С.-Петербургъ, и Мая 12-го числа, въ 4 часа по полудни, мы простились съ Мудровымъ въ послѣдній разъ, за Прѣсенскою заставою; онъ съ собою туда же увезъ и вышеупомянутыхъ троихъ студентовъ, изъ коихъ одинъ, Стенанъ Алексѣевичъ Ивановскій, теперь Докторъ Медицины и Экстраординарный Профессоръ въ Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи.

Съ великою грустію онъ оставилъ Москву, съ такою же грустію пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, и эта печаль до чрезвычайности умножилась въ немъ, когда, вопреки его желанію, настоянію и запрещенію, туда пріѣхала за нимъ въ слѣдъ и супруга его вмѣстѣ съ дочерью; да и Комитетъ продолжалъ свои дѣйствія ровнехонько также, какъ и въ Москвѣ. Въ половинѣ Іюня холера явилась въ Петербургѣ; противъ нея предприняты всѣ возможные мѣры, въ разныхъ частяхъ города учреждены временныя больницы; изъ нихъ въ Рождественской части двѣ, одна на Пескахъ, а другая у Калашниковой пристани, препоручены попеченію Мудрова. Здѣсь онъ доказалъ свою великую практическую опытность и отмѣнную вѣрность медицинскаго взгляда въ скоромъ познаніи силъ болѣзнаго и степени болѣзни. Іюля 7-го, Мудровъ съ родными, т. е. съ дочерью, женою и съ ея братомъ, Секретаремъ Комитета, были приглашены къ знакомому Сенатору, на обѣдъ; въ тоже время у него дома, къ обѣду, заказаны были пробныя кушанья, кашлица и каша, въ такомъ навѣсѣ крупы овсяной, мяса, масла и соли, въ какомъ готовилось это все въ подвѣдомыхъ ему холерныхъ больницахъ. Матвѣй Яковлевичъ, послѣ домашняго огорченія, не успѣвъ хлебнуть и шести или семи ложекъ пробной овсяной кашлицы, всталъ изъ за стола, ушелъ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. Въ эту минуту злая холера овладѣла своимъ великимъ противникомъ; боль-

ной не хотѣлъ принимать ни лѣкарствъ, ни совѣтовъ, никакихъ другихъ пособій, требовалъ священника, но этотъ опоздалъ за множествомъ требъ въ тогдaшнее время.—Юля 8-го дня, при первомъ ударѣ благовѣста къ ранней обѣдѣ въ больномъ Казанскомъ Соборѣ, Мудровъ вздохнулъ въ послѣдній разъ, имѣвъ отъ роду 59 лѣтъ 3 мѣсяца и 14 дней. Бренныя останки его погребены за Невую, на Выборгской сторонѣ, на холерномъ новомъ кладбищѣ, что за церковію Св. Сампсона. На могилѣ его стоитъ темный гранитовый памятникъ. Въ началѣ того же 1831 года, въ Вологдѣ, преставился отъ холеры старшій родной братъ его, протопресвитеръ Юаннъ Яковлевичъ Мудровъ, а въ концѣ года, въ Вологдѣ же, умеръ холерою его родной племянникъ Титулярный Сов. Александръ Кириловичъ Мудровъ; ни тотъ, ни другой не оставили дѣтей, и весь родъ Мудровыхъ въ мужскомъ колѣнѣ пресѣкся въ одинъ и тотъ же годъ отъ одной и той же болѣзни.